

БАЙРАМОВ

1

НОВОЕ

2

НЕРАВЕНСТВО

3

НОВОЕ НЕРАВЕНСТВО

Роман

БАЙРАМОВ

Издательство
ПЛАНЖ
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б18

Оформление обложки Владимира Ходукина

НОВОЕ НЕРАВЕНСТВО / Байрамов — М.: Издательство «ПЛАНЖ», 2022. — 272 с.

Книга Анара Байрамова переносит читателя в будущее, где стало возможным долголетие, сравнимое с бессмертием. Но какова цена сбывшейся мечты? Художественная логика неумолима: плата за бессмертие тела — гибель человеческой сути. Трагедия творца этого нового мира, посягнувшего на прерогативы Бога, — главная удача романа.

ISBN 978-5-6045678-4-5

© Анар Байрамов, 2022

© Издательство «ПЛАНЖ», 2022

Оглавление

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	29
ГЛАВА 4	40
ГЛАВА 5	49
ГЛАВА 6	71
ГЛАВА 7	90
ГЛАВА 8	116
ГЛАВА 9	133
ГЛАВА 10	141
ГЛАВА 11	154
ГЛАВА 12	164
ГЛАВА 13	173
ГЛАВА 14	183
ГЛАВА 15	194
ГЛАВА 16	205
ГЛАВА 17	226
ГЛАВА 18	241
ГЛАВА 19	260
ГЛАВА 20	262
ЭПИЛОГ	265
ПРИЛОЖЕНИЕ	266

— Вскидываю ружье, оказывается — патронов нет.
Ничего нет, кроме вишни. Заряжаю ружье вишневой
косточкой, стреляю, попадаю оленю в лоб. Он убегает.
А этой весной, в этих самых краях, представьте
себе, встречаюсь с моим красавцем оленем, на голове
которого растет роскошное вишневое дерево.
— Как, вишневое дерево? — Дерево? На голове оленя?
Скажите лучше — вишневый сад!
— Если бы вырос сад, я бы сказал — сад. А поскольку
выросло дерево, зачем же мне врать?
Я всегда говорю только правду.

Тот самый Мюнхгаузен

*Определенно, тщеславие — мой самый
любимый из грехов. Он так фундаментален.
«Адвокат Дьявола»*

ГЛАВА 1

Умный дом оказался не таким уж и умным. Небольшого огня, разведенного профессором в серебряном ведре для шампанского, оказалось достаточно, чтобы дом затопил гостиную из спринклерных оросителей, обесточил все два этажа и вызвал службу спасения. Приведенные в негодность шелковые обои, ковер ручной работы и купленная на аукционе антикварная мебель стали жертвами решения Нобелевского комитета. Горела разодранная в лохмотья «Нобелевская мемориальная лекция», которую профессор тщательно подготовил и отрепетировал еще несколько месяцев назад.

Не так представлял себе профессор 10 октября 2050 года. Этот день он ждал с большим нетерпением. Профессор был абсолютно уверен, что именно его объявят лауреатом Нобелевской премии в области физиологии и медицины. Вместе с ним ждали большого события супруга Кэтрин, годовалый сын, генномодифицированный лично профессором на бессмертие, и шампанское Moët & Chandon Bi Centenary Cuvée Dry Imperial 1943 года, предвкушавшее скорое высвобождение, подсказанное ему

безошибочным предвестником в виде кусочков льда, тесно обступивших его в серебряном ведерке.

Надежды профессора неожиданно разрушила ведущая новостей. Со счастливым лицом она объявила, что Нобелевка по физиологии и медицине, которую профессор считал своей, присуждена американскому ученому Рою Акселю за успешное воскрешение мамонтов.

Первым гнев разъяренного профессора приняла на себя бутылка шампанского. Каким-то чудом она не разбилась, а от горки подтаявшего льда по великолепному ковру стало расплываться темное мокрое пятно. Серебряное ведерко грохнулось на недавно отреставрированный журнальный столик. От удара на руках у Кэтрин проснулся и захныкал бессмертный младенец. Не узнающая профессора жена спешно отнесла маленького иммортала в его комнату. Вернувшись, она застала профессора за лихорадочными попытками поджечь «Нобелевскую мемориальную лекцию». Плотную бумагу, никак не желающую рваться, пришлось раздирать по-странично. Ведро было мокрым, глянцевые клочья не занимались от пляшущей в руках профессора зажигалки. Совершенно обезумев, профессор выгреб останки лекции на стол, осушил ведро сорванным с шеи галстуком Hermès. Еще немного, и в глазах профессора отразилось зазмеившееся пламя.

— Что ты творишь? Остановись! — безуспешно пыталась успокоить мужа напуганная Кэтрин.

Бумага в озаренном ведерке горела неохотно, ежилась. В открытое окно гостиной ворвался ветер,

подхватил серые хлопья, покружил, часть прилипла к мокрому пятну на ковре, часть осела на редкие черные волосы профессора. Обрывистыми движениями голых рук он ворошил куски лекции, скармливал их огню. Испачканные руки оставляли темные полосы на его горячем не то от огня, не то от внутреннего жара, лице. Наконец, ожили скучавшие много лет датчики дыма. С потолка хлынул обильный полив. Но даже щедрое опрыскивание из исправных спринклеров, в считанные минуты превратившее гостиную в болото, не смогло остудить пыл профессора. Вода, стекавшая по его лицу, еще больше размазала золу и превратила профессора в погорельца, попавшего под ливень. Ярость его теперь обрушилась на уцелевшую бутылку шампанского, лежавшую в луже на ковре. Толстое, коричневого цвета стекло выдержало удар ногой, бутылка покатила с ковра на темный паркет и уткнулась в лодыжку Кэтрин, тщетно взывавшей к разуму мужа. Профессор даже не ощутил боли, неизменно сопровождающей ушиб и гематому на большом пальце. Сегодня доминантной оказалась боль разочарования, боль крушения надежд, боль несправедливости.

Промокшая до нитки Кэтрин могла только крепко обнимать своего мокрого, запачканного и взбешенного мужа.

В свое время одержимость получить Нобелевку стала, возможно, основной мотивацией бессонных ночей и длинных дней, проведенных профессором в лаборатории GenCorLab, которую он создал практически с нуля. Мечта об этой награде, о мировом признании владела молодым

профессором, иммигрировавшим на Запад в шестилетнем возрасте. Его научные открытия в области генной инженерии, сделавшие бессмертие возможным и положившие начало новому поколению имморталов, убедили профессора в безусловной заслуженности Нобелевской премии. Конфиденциальной информацией о выдвижении его кандидатуры и практически стопроцентных шансах он обладал уже более полугода. В принципе, учитывая десятки публикаций в именитых научных и ненаучных изданиях, назвать эту информацию секретной было сложно. Профессор подробно изучил всю процедуру награждения и готовился к ней, как к самому важному событию в жизни.

В гардеробной профессора давно разместился смокинг, сшитый специально для церемонии вручения, ежегодно проводимой в Стокгольме десятого декабря, в день рождения Альфреда Нобеля. Чтобы понять значимость этого смокинга, достаточно было одного беглого взгляда. Несмотря на тесноту в отсеке с костюмами, вполне объяснимую их количеством, смокинг висел недотрогой. Профессор бесцеремонно сдвигал костюмы в плотную массу, оставляя минимум пятнадцать сантиметров свободного пространства между ними и его отутюженным красавцем, в котором он планировал получить премию из рук самого короля Швеции. Нарядом, в котором он собирался выступить с «Нобелевской мемориальной лекцией», прочтение которой было обязательным для всех лауреатов. Лекцией, обугленные обрывки которой плавали в ведерке для шампанского, так и не дойдя до своей аудитории.

Ни смокинг, ни заученная до автоматизма лекция, ни охлажденное шампанское профессору не пригодились.

Сочувствующие взгляды сотрудников и коллег, расстроенная и безуспешно пытающаяся это скрыть супруга, злорадствующий Рой Аксель, который не преминет уколоть профессора на каком-нибудь очередном симпозиуме генетиков, новости в медиа об ошибочном прогнозе насчет лауреата — вот небольшой список того, что ожидало профессора в ближайшем будущем.

В голове у него хаотично метались болезненные мысли.

— Аксель! Мамонты! Эти переделанные слоны! Да о чем они вообще думали в этом Нобелевском комитете! Как можно сравнивать бессмертие для человечества с аттракционом, баловством! Воссоздали, видите ли, мамонтов по ДНК-набору из ископаемых костей! Как можно сравнивать этого выскочку Акселя и меня! Опять Штаты! Уже больше восьмидесяти процентов всех Нобелевских премий отправилось туда. Может, остальным вообще не следует участвовать?! Не будем болтаться под ногами этих великих умов и их мамонтов!

Кэтрин, даже не прикасаясь к перепачканному лбу мужа, ощущала жар, в который спешно бросил его переживаемый стресс. Резкое повышение температуры профессорского тела не заставило себя ждать, словно желая растопить, сжечь весь гнев, охвативший его.

Сегодня он получил удар, сопоставимый по силе с шоком эмиграции в Западную Европу, который он испытал ребенком. Он оказался оторван от родного дома

и друзей со двора — но со временем нашел в переезде безусловные плюсы. А сегодняшний стресс не предвещал ничего хорошего и в долгосрочной перспективе.

— Я же знаю, что ты самый лучший, — тихо, в свойственной ей мягкой манере, проговорила Кэтрин, положив ладонь на нервно трясущееся колено сидевшего в мокром кресле профессора.

— А мне этого недостаточно! — проговорил сквозь зубы побагровевший профессор. Он крепко, до боли, стиснул нежную кисть супруги, и его глаза загорелись нездоровым огнем.

Кэтрин не могла узнать своего любимого мужа, не только гениального, но и чуткого, нежного. Такого профессора она видела впервые.

— Мне этого недостаточно!!! Мне надо, чтобы об этом узнали все! Весь мир! Чтобы об этом узнал Аксель, будь он неладен! — кричал профессор, пугая Кэтрин пристальным взглядом, в котором плескалось безумие.

Этот мир не будет ни хорошим, ни плохим.

Он будет другим.

Герман Греф

ГЛАВА 2

Этот летний день мало чем отличался от обычных будней лаборатории GenCorLab, расположенной в главном здании родильной клиники. Разве что появлением особой пациентки — жены самого заведующего. Кэтрин не относилась к категории жен, злоупотребляющих высоким положением мужей, но все же обстановка в отделении была особенной. Весь персонал — видимо, как-то рефлексивно, что ли — ходил ровнее, разговаривал тише, улыбался шире.

Старшая медсестра лаборатории GenCorLab Полина — уже в возрасте, но все еще в хорошей форме — спешным шагом, значительно быстрее обычного, шла по длинному, залитому светом коридору. На установлении максимального, почти слепящего глаза, света настоял заведующий лабораторией. Профессор терпеть не мог тусклых помещений. Первое, что он делал, придя в ресторан, в гости, на симпозиум, — просил прибавить электричества. И в кабинете его тоже были включены все многочисленные осветительные приборы. Потолочные, напольные, настольные.

Полина деликатно приоткрыла дверь профессора, который принимал очередную пару, планирующую ребенка. В узкую щель хлынул яркий свет из кабинета. Даже ярче, чем был в коридоре. Старшая медсестра сощурилась, защищая сетчатку, и только так смогла разглядеть силуэт профессора. Он сидел лицом к двери и со свойственным ему воодушевлением рассказывал паре о возможностях своей лаборатории и метода «Криспер».

Профессор был неизменно элегантен. Его высокий рост ощущался, даже когда он сидел в эргономичном кресле. Классический образ ученого: короткая стрижка, круглая оправа, низко посаженная на тонкий длинный нос, еще больше вытягивающий худощавое лицо. Несмотря на то, что коррекция зрения давно была пустяковым делом, профессор не планировал расставаться со своими любимыми очками. Много лет назад они да жилетка добавляли тогда еще молодому интеллектуалу возраста, строгости, аристократизма. Теперь, когда имя профессора украшало обложки ведущих трудов по генетике, когда самые престижные научные симпозиумы конкурировали за его выступления, необходимость в этих аксессуарах отпала. Но то ли нежелание менять сложившийся имидж, то ли чувство благодарности не позволяли профессору расстаться с очками.

Кабинет профессора удивлял категорическим отсутствием дипломов и сертификатов. Некогда теснившиеся на стенах престижные награды в одночасье переселились на кафельную плитку туалета. Столь унижительный переезд стал следствием горькой обиды импульсивного

профессора на решение Нобелевского комитета. Отсутствие основной награды лишило в его глазах значимости и все остальные. Обилие потерявших для него смысл дипломов, некогда расстувившихся на стене, оставляя центральное место для долгожданной награды, переносило его в тот злополучный день и отвлекало от работы. В туалете же они оказались намного полезнее, помогая профессору особо там не задерживаться.

Стеклянный стол, поставленный точно по центру кабинета, несколько раздражал своей неживой аккуратностью. Размещенные строго параллельно друг другу ручки, ровно разложенные телефоны, неестественный перпендикуляр настольной лампы, словно готовой отдать честь. Все это было следствием педантичности профессора, которую сам он называл перфекционизмом. Такое определение казалось профессору более безобидным. Он ежедневно тратил немало времени, поправляя на стенах взятые в рамки фотографии и рисунки холодных тонов. Наличие в кабинете малейшей кривизны не позволяло ему сосредоточиться ни на чем. Он легко мог встать из-за стола во время важной встречи или консультации ради того, чтобы выверить до миллиметра взаимное расположение картин. Часто неправильность, раздражавшая профессора, была заметна только ему и никому больше.

Порядок он любил и в одежде. Его отношение к человеку могло значительно зависеть от степени глаженности брюк. И к своим брюкам профессор относился не менее строго. В комнате отдыха, спрятанной за его кабинетом,

доска с утюгом занимали центральное место. Обычно профессор раза два в течение дня уединялся здесь, чтобы лично поправить стрелки на штанинах, упрямо мнущиеся от сидячей в глубоком кресле работы. Женский персонал, в избытке окружающий профессора, с радостью взял бы на себя столь почетную миссию. Тем более, учитывая темперамент босса, даже недолгое пребывание в комнате отдыха, да еще и с временно брюколишенным профессором, серьезно увеличивало шансы на долгожданный знак внимания: позволение попасть на диван. В этом плане отделение напоминало некий гарем с наложницами, мечтающими быть выбранными для близости. Но брюки профессор не доверял никому, кроме себя и Кэтрин. Он, конечно, понимал, что в такие моменты, с утюгом, в тесных трусах и в рубашке с галстуком, жилетке и пиджаке в мелкую серую клетку, выглядит достаточно нелепо. Но высокая цель — безупречные брюки — оправдывала ироничность ситуации. Нелепости добавляли и яркие рыжие носки с несерьезным рисунком в виде цепочки ползущих вверх красных муравьев. Резинка этих носков плотно обхватывала густые черные волосы, надежно скрывавшие аномальную худобу профессорских ног. Скромная белая рубашка в тонкую, небесного цвета полосу свисала чуть ли не до середины бедер, но сквозь ткань все-таки просвечивали синие трусы, до которых таки добрались алые муравьи, несколько штук. Такими фишками, скрытыми от посторонних глаз, строго одетый профессор удовлетворял потребность в самовыражении, в ежедневном бытовом бунтарстве.

— Профессор, ваша супруга хочет вас видеть, — негромко проговорила старшая медсестра, еще больше сузив глаза, наигранно демонстрируя профессору, что у него слишком яркий свет.

— Знаю. У меня последняя консультация, скоро буду, — тоже прищурился профессор, передразнивая сотрудницу. Сдержать улыбки им не удалось.

Полина не сомневалась, что может себе позволить с профессором разные шутки и вольности в ответ на все то, что он еще недавно проделывал с большей частью женского персонала клиники, включая и старшую медсестру (разумеется, не без их на то согласия и где-то даже провоцирования). Дамы и сейчас были бы не прочь оказаться на выдавшем виды диване любимого и всегда заботливого профессора. Вот только он с годами и с женьтибой стал куда более сдержан и избирателен.

Молодая пара, лет тридцати, не больше, которую консультировал профессор, даже не заметила этих подмигиваний и улыбок. Они сидели спинами к входной двери, но даже по их силуэтам было понятно, как они взволнованы тем, что ими занимается лично профессор. Оба подались вперед, вытянули шеи. Правда, у супруга шея практически отсутствовала, но это не мешало ему тянуться и кланяться, всячески выражая почтение к научному светилу.

Профессора несколько удивила скромность поведения и одежды этих двоих. Они не производили впечатления платежеспособной четы, которая могла себе позволить генную инженерию. Просматривая пе-

ред консультацией анкету, профессор, не упускающий из виду ни одной мелочи, заметил, что будущая пациентка — ровесница его жены. Но это никак не соответствовало тому, что он сейчас видел перед собой. Неухоженная, замученная женщина годилась Кэтрин в матери. Тусклые, плохо стриженные волосы, ранние морщины, глаза больной собаки. Заметил профессор и несоответствие адреса в ее паспорте, полученном год назад, тому, что указан в свежезаполненной анкете. Этой паре пришлось не только много работать, но и переехать из центра города в бедный квартал на окраине. Кроме того, в растянутых мочках женщины сиротливо темнели пустые щели, а на пальцах были видны характерные вмятины: должно быть, еще недавно она носила крупные серьги и кольца. Проницательный профессор, знающий высокую цену генной модификации и своих услуг, без труда догадался, почему пара переехала, почему пришлось расстаться с драгоценностями и откуда эти пепельные следы переутомления на лицах, обращенных к нему с надеждой.

И муж, и жена до смешного одинаково скрестили ступни, чтобы их почищенная, но сильно заношенная обувь как можно меньше соприкасалась с удивительной работы красно-синим ковром, растелившимся под их позрачными пластиковыми креслами и шмыгнувшим под стеклянный стол. На прозрачной мебели профессор настоял именно для того, чтобы богатые орнаменты ковра раскрывались взгляду все и целиком. Профессор очень гордился красотой ковра, вытканного вручную на его далекой родине. Семья привезла ковер в Европу

тридцать лет назад — и с тех пор ни единый завиток не потускнел. Профессор мог долго рассказывать посетителям кабинета о смысле орнаментов, о значении цветовых оттенков, даже о способе завязывания узлов. О том, что именно ширванские ковры отличаются высокой плотностью — до двухсот пятидесяти тысяч петель на квадратный метр! С гордостью, присущей эмигрантам, он хвалился тем, что образцы высокого искусства азербайджанских мастериц хранятся в лондонском музее Виктории и Альберта, в питерском Эрмитаже. Особенно профессору нравилась история ширванского ковра из собрания Лувра: ткачиха изображала узор своей жизни красными нитями, но на середине работы у нее скончался муж, и дальше ковер сделался черным.

Профессор живо чувствовал связь между созданием ковров и собственной работой с генами, этими сложнейшими нитями жизни. Через эту связь он ощущал свои корни, это придавало ему уверенность в собственной миссии. Парам, пришедшим на консультацию, он указывал на красоту своего ковра и объяснял, что генетический код их будущего ребенка так же будет прописан — узор за узором, узелок за узелком. И он, профессор, знает заранее, какая волшебная картина сложится в результате поистине магического, сакрального процесса. Ребенок, произведение искусства, станет его посланием в будущее, его подарком Вселенной.

Но сегодня профессор решил не отвлекаться на экскурсии в историю и на особенности ковроткачества, ограничиться профессиональной конкретикой.

— Как я уже говорил, сегодня технический прогресс, ну и, конечно, наличие материальных возможностей позволяют семьям заранее программировать детей на бессмертие, — объяснял он замершим в благоговении мужу и жене. — Генетические модификации на стадии развития эмбриона легко определяют будущие характеристики ребенка, настраивают те или иные способности, которые, по вашему мнению, будут нужны ему для счастья. Одним словом, мы вместе с вами определим параметры и создадим, так сказать, дизайнерского младенца. А самое главное, генные модификации снизят вероятность заболеваний до нуля! Вы обеспечите своему малышу бессмертие!

Сидевшая чуть дальше от профессора будущая мама, сиюминутно не пропустив ни слова из дорого оплаченной консультации, наклонилась к мужу и оперлась о подлокотник его кресла, тем самым нарушив параллельность своего тела телу супруга. Профессору было непросто справиться с собой и не подойти к паре, чтобы усадить их ровно и восстановить порядок в кабинете. Но ему удалось побороть обострение своей педантичности.

— Делаем мы это так, — продолжил профессор, сиюминутно сосредоточившись. — Вводим в организм эмбриона обезвреженные вирусы, несущие в себе закодированный инструмент для модификации генома. Состоит этот инструмент из белка cas9, своего рода ножниц, которые разрезают цепи ДНК эмбриона в нужных нам местах, и модифицированной РНК, которая направляет эти ножницы и показывает, в каком точно месте резать. Таким

вот образом и строим нужные нам комбинации аминокислот прямо в ДНК живой клетки. Так мы можем легко заменять больные, дефектные или, если хотите, неудобные нам гены. Это дает нам возможность редактировать целые геномы, заменять одни гены другими. Словом, просто программируем геном. Прописываем нужную нам программу. И желаемый результат гарантирован. Как видите, все очень просто, — скомкал лекцию профессор, все время помнивший, что его ждет Кэтрин.

Теперь он внимательнее взгляделся в будущих родителей. Через руки его прошли десятки супружеских пар. Эти двое представляли собой трудный материал. Женщина была угловата, лицо ее напоминало грубо обтесанный камешек. Низкий лоб мужчины, голова, вдавленная в покатые плечи, тоже не свидетельствовали о благородных генах. Профессор понимал, что предстоит долгая и кропотливая работа с их «узелками». Для получения хорошего результата (а профессор не мог иначе) генетический набор эмбриона следовало серьезно, вплоть до неузнаваемости, отдалить от родительского. Профессор не мог себе позволить, чтобы с его «ткацкого станка» сошел несовершенный человек. Он не собирался создавать нечто похожее на некрасивых нативных людей.

Однако глаза пары горели благодарным интересом, и это воодушевило профессора.

— Только вдумайтесь, какое это чудо! — продолжил он с энтузиазмом. — Не о бессмертии ли мечтали все поколения, жившие до нас? Не это ли апогей желаний? Жить, не зная болезней, практически не старея. Воис-

тину это чудо, которое стало уже настолько обыденным, настолько привычным для нас. Недалеко то время, когда молодежь поколения иммортал по численности почти догонит нативных. Ну, конечно же, если говорить о развитых странах.

— Конечно, профессор. Мы так рады, что наша малышка не будет ни болеть, ни стареть. Мы просто счастливы, что можем подарить ей бессмертие, — мечтательно проговорила будущая мама.

— Я рад за вас. Кстати, вы, конечно же, в курсе одной небольшой проблемы? — небрежно, как бы между прочим, произнес профессор. — Да ее в принципе и проблемой то назвать сложно. Небольшая формальность. Вам надлежит подписать специальную форму Genom-Variation-Option. Нужно сделать выбор между бессмертием и фертильностью ребенка. Совмещение невозможно технически и вообще нерационально. Ну, вы понимаете.

— Конечно же, бессмертие, — быстро сказал будущий папа, словно опасаясь упустить выгодную сделку.

— Однозначно, — спешно добавила мама. — Мы все понимаем. Золотое правило: бессмертие или фертильность. Мы, конечно же, в курсе. Где нужно подписать?

— Прошу вас, — профессор придвинул супругам уже раскрытую форму Genom-Variation-Option и посчитал свою миссию на сегодня почти законченной.

Пара старалась держаться уверенно и не показывать, насколько непосильной ношей для них стала оплата генной модификации. На какие лишения им пришлось обречь себя ради бессмертия своего ребенка. Продажа драго-

ценностей и дома, переезд в бедный квартал, тяжелая работа. Все для того, чтобы их ребенок стал имморта-лом. А это не только здоровье и бессмертие, но и статус, зеленый билет в хорошую жизнь. Жизнь, которой у них не было.

Профессор, в отличие от продавщиц дорогих бу-тиков, легко распознающих «не свой контингент» и непременно это демонстрирующих, ничем не показал, что люди в кабинете не из его круга. Наоборот, пара, пошедшая на серьезные лишения ради будущего своего ребенка, вызвала в нем уважение. Не желая экономить на ребенке и его качестве, пара с присущей беднякам щедростью предпочла более доступным и набирающим популярность китайским клиникам самую передовую в Европе лабораторию GenCorLab. Профессор настолько проникся к самоотверженной паре, что даже был готов простить будущему папе бросающуюся в глаза помятость брюк. Но не настолько, чтобы он отработал консульта-цию по полной и забыл о ждущей его в палате Кэтрин. В случаях, когда профессор не спешил, он подробно рассказывал об ужасах перенаселения планеты. Это по-могало состоятельным супругам успокоить свою совесть (некоторым она была присуща) при подписании формы Genom-Variation-Option, которая лишала их детей воз-можности когда-либо стать родителями.

Обычно необходимость выбора между фертиль-ностью и бессмертием профессор объяснял заранее заготовленной емкой фразой, состоящей всего из трех действенных слов: «Люди. Должны. Умирать». Глубо-

кие паузы между словами и пристальный профессорский взгляд гипнотизировали пару. Далее профессор напомнил, что количество рождающихся людей на планете не должно заметно превышать количество умирающих. А дай волю людям, и они с легкостью разрушат баланс между человечеством и природой. Неограниченная продолжительность жизни дизайнерских детей может драматически усугубить и без того острую проблему. Проблему перенаселения планеты.

Количество людей на Земле росло даже тогда, когда человек еще не особо копался в генах и не мог докупать себе ни долголетия, ни бессмертия. Только за последние тридцать лет человечество выросло на два миллиарда и достигло десяти миллиардов. И население продолжает стремительно увеличиваться. При нынешней рождаемости к 2100 году на Земле будет жить двадцать миллиардов. Это давно уже стало острой социальной проблемой, а впереди ожидает экологическая катастрофа, нехватка продовольствия. Получается порочный круг. Большая потребность в продовольствии принуждает человечество искать пути повышения продуктивности сельского хозяйства. Решение человек находит в бесконтрольном применении минеральных удобрений и ядохимикатов. А это, соответственно, гарантирует еще большее ухудшение экологической обстановки. Еще плачевнее ситуация обстоит с питьевой водой, потребление которой растет вдвое быстрее населения планеты. Мировое сообщество уже давно ищет пути выхода из данной ситуации. Но, к сожалению,

все возможные решения так или иначе затрагивают морально-этические аспекты и ставят человечество перед необходимостью выбора.

Часто для наглядности профессор приводил в пример китайский опыт. Эта страна столкнулась с проблемой перенаселения раньше других. Благодаря продуманной политике и программе «Одна семья — один ребенок» им в свое время удалось эффективно снизить темпы роста населения. Если бы не эта программа и не большие штрафы, китайцев было бы уже около шести миллиардов! Для контраста профессор обычно противопоставлял Китаю Африку. Там-то уж точно не могут похвастаться снижением роста рождаемости. Наоборот. Африканские страны продолжают пугать мир самой высокой плодотворностью на планете. Восемь детей на семью! И даже инициатива Китая по выплате компенсаций тем африканцам, кто пройдет стерилизацию, оказалась недостаточно эффективной. Возможно, для контроля рождаемости придется в Африку особые «медицинские контингенты» ООН.

И действительно, профессор вовсе не сгущал краски. Тем более благодаря развитию медицины, разработке нано-ботов, успехам генетиков увеличилась и продолжительность жизни. Если люди еще и перестанут умирать, размножаясь с той же интенсивностью, нас ждет беда.

Серьезность ситуации не вызвала сомнений ни у кого. Всем было понятно, что серийное производство бессмертных дизайнерских детей, составляющих поколение иммортал, гарантированно приведет к гуманитарной

катастрофе. Но технический прогресс, помноженный на индивидуализм, уже было не остановить. Кто же ставит глобальные проблемы выше собственных, частных? Кто не хочет здоровья и бессмертия своим детям? Но вместе с тем все понимали, что за это придется заплатить. И заплатить очень дорого.

Мировая общественность сошлась (а это происходило не часто) на том, что модификация и любые вмешательства в геном человека, направленные на обеспечение бессмертия, являются международно значимыми мероприятиями. Все государства, активно использующие генный инжиниринг, подписали межправительственные соглашения и приняли на себя обязательства контроля над этими процессами. Слишком высока цена вопроса, слишком велики глобальные риски. Мировое сообщество нашло единственно возможное решение: предоставлять родителям выбор. Возможно, самый важный выбор в их жизни и в жизни их будущего ребенка. Выбор между бессмертием и репродуктивностью. Между долголетием малыша и его фертильностью в будущем. Стремительный рост поколения иммортал наглядно демонстрирует предпочтения состоятельных семей.

Научно-технический прогресс и безграничные возможности, открытые им для человечества, как ни странно, объединили мировую общественность. Объединили перед лицом глобальных опасностей, сулимых бездумным использованием плодов научного прогресса. Прогресса, который расширил рамки возможного

до невозможности. В том, что бесконтрольность противоречащих моральным нормам новшеств приведет к серьезным последствиям, понимали все.

Так возникли общепринятые запреты и табу. Например, нельзя внедрять записанные воспоминания в память людей без их ведома. Запрещено стирать свои воспоминания, даже если они мучительны. Нельзя читать мысли других без их согласия. Во избежание создания киллеров с искусственным интеллектом запрещено снабжать дроны системой распознавания лиц. И, наконец, категорически невозможно становиться родителем, если тебе самому даровано бессмертие.

Только согласованное взаимодействие общественности и запреты, принятые мировым сообществом, способны уберечь спокойствие и равновесие мира. Запреты эти чтутся выше религиозных заповедей, выше законов отдельных стран. За их исполнением неустанно следит всезнающая СГН (Служба глобального надзора). А суровость наказания не позволяет никому даже допускать мысль о совершении цифрового или генетического греха.

Это была стандартная порция информации, которую профессор выдавал парам, приходившим на консультацию. Но в этот раз профессор спешил, к тому же он видел, что неказистые супруги и без того покорены его авторитетом и не колеблются в своем решении. Потому, пропустив занудную часть лекции, профессор задумчиво и чуть медленнее обычного, словно рассуждая вслух, проговорил избитую философскую мысль, которой обычно и заканчивал свой монолог:

— По сути, репродуктивность дана человечеству как вариант, как подмена бессмертия. Дети являют собой наше продолжение, обеспечивают наше бессмертие. В них мы живем дальше. А возможность жить вечно ставит необходимость детей под большой вопрос. Ну для чего имморталам фертильные функции?

Вежливость заставляла профессора расслабленно улыбаться, делая вид, будто общение с этой чудной парой будущих родителей — самое большое благо, которое он только может вообразить. Но язык тела, не вполне поддающийся контролю, выдавал профессора. Жесты его были плавны и любезны, но правая нога под столом тряслась и взбрыкивала, выдавая нетерпение и желание поскорее покончить с консультацией. Будь супруги повнимательнее, они легко заметили бы раздражение профессора — тем более что стол был прозрачный. Но язык тела явно не был им знаком, и они пребывали в своем невинном блаженстве, сидя перед могущественным кудесником, который приведет их к мечте.

Наконец благодарная пара, не колеблясь, подписала форму Genom-Variation-Option. Ряды имморталов пополнились.

— Это вам, — смущенно пробормотал будущий папа, доставая большой бумажный кулек, спрятанный между двумя креслами. — Мы долго думали, что вам подарить. Купили вот, шахматы. Очень надеемся, что понравятся.

На кульке, к удивлению профессора, обнаружился узнаваемый логотип Lladro.

— Кажется, мы угадали с подарком. У этих шахмат как раз стеклянная шахматная доска. Прямо как ваш прекрасный стол, — радовалась будущая мама.

Профессор, тронутый поступком пары, не стал говорить им, что у него дома точно такие же стеклянные шахматы Lladro с фарфоровыми фигурками ручной работы и что вторые ему ни к чему. Проконсультировавший сотни состоятельных пациентов, он впервые получал подарок в благодарность. Подарок, ради которого эти двое во многом себе отказали.

Еще несколько минут восторженных прощаний, и ошарашенная чета покинула пределы восточного ковра, а затем и всего кабинета, пятясь к дверям и кланяясь. Надо отдать должное профессору: любезность и максимальное внимание он изображал до самого конца. И только когда дверь кабинета закрылась — медленно, почти нежно, ибо супруги боялись выказать неуважение даже щелчком дверной ручки — профессор, наконец, бросился выключать лампы, компьютер, чтобы скорее устремиться к Кэтрин, покорно ожидающей в своей палате.

Напоследок, прежде чем выскочить из кабинета, профессор позвонил и распорядился о серьезной скидке на генную модификацию для сегодняшней пары. Скидка предполагала полный отказ профессора от своего гонорара.